

DOI: 10.35549/HR.2020.2020.33.008

Т.А. Матасова

ВЛИЯНИЕ ИЛИ МОЛЧАНИЕ?

Еще раз о роли Софьи Палеолог при дворе Ивана III
и степени ее участия в привлечении итальянских
мастеров в Москву¹

равнительно недавно на страницах журнала «Исторический вестник» была опубликована статья М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой², в которой авторы подвергли довольно резкой критике одно из положений моей книги о Софье Палеолог³, которое мне неоднократно приходилось не только обсуждать в сугубо научных кругах, но и транслировать в рамках научно-популярных лекций и просветительских передач. Речь идет о том, что я, по мнению авторов, несправедливо преуменьшаю степень участия

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19–18–00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

² Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. К вопросу об участии Софьи Палеолог в приглашении итальянских архитекторов для перестройки Московского Кремля // Исторический вестник. Т. 28 (175). 2019. Август. С. 28–39.

³ Матасова Т.А. Софья Палеолог. М., 2016 (2-е изд. — 2017). Рец.: Garzaniti M. Da Roma a Mosca. Sofia Paleologa e i Greci in Russia fra la fine medioevo e l'inizio dell'epoca moderna. A proposito della recente biografia di T. Matasova (Mosca 2016) // Studi Slavistici. 2018. Vol. XV. P. 219–226; Акорьян О. Tatiana Matasova, Sophia Palaiologina (Софья Палеолог) (Moscow: Molodaya gvardiya, 2017) [Book review] // Renaissance studies. 2019. Vol. 33. No 2. P. 326–327.

второй супруги Ивана III в деле привлечения итальянских архитекторов в Москву.

В данном материале мне бы не хотелось подробно разбирать допущенные авторами ошибки⁴ и их весьма натянутые⁵ и подчас откровенно архаичные⁶ построения, которые они себе позволяют на страницах

⁴ Например, русские летописи не следует называть «хрониками» (см.: *Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 36). Двуглавый орел не был (!) «личным гербом семьи Палеологов» (Там же. С. 38). См. об этом: *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 410–412; *Соловьев А.В.* Геральдические эмблемы Византии и славяне // *Signum*. 2009. № 4. С. 181–182. Странным выглядит и то, что авторы, говоря об интенциях кардинала Виссариона в отношении воспитания детей Фомы Палеолога, ссылаются на глухое свидетельство из книги П. Пирлинга (не только искушенного знатока отношений России и папства, но и глубоко тенденциозного исследователя) о «программе занятий», разработанной для них. Гораздо эффективнее было бы сослаться на русский перевод упомянутого П. Пирлингом документа — письма Виссариона, где он размышляет о принципах воспитания наследников Фомы. См.: *Швиалин Ю.А.* Виссарион. Письма VI–VIII (PG CLXI Migne) // *Ренессанс: Образ и место Возрождения в истории культуры*. М., 1987. С. 73–76.

⁵ Примечательно, с какой уверенностью авторы сообщают подробности об образовании князя Константина Мангупского (будущего прп. Кассиана Учемского) (*Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 32), тогда как самые ранние сведения о нем относятся к середине XVI или даже к XVII в. (в зависимости от того, какую датировку ранней редакции его жития признать истинной, см. об этом: *Сосновцева Е.Г.* Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. М., 2020. С. 30–50; *Матасова Т.А.* Прп. Кассиан Учемский — грек из окружения Софьи Палеолог и чудотворец «от Итальянских стран»: К истории церковного почитания святого в XVI–XIX вв. // *История и культура Ростовской земли. Материалы XXIX научной конференции*. Ростов, 2020. С. 43–44. Сн. 5). Даже эти поздние свидетельства источников крайне скупко говорят о ранней биографии Кассиана. Вовсе не отрицая историчность прп. Кассиана и его вклад в развитие русской духовности, я вынуждена отметить, что в настоящий момент науке практически ничего не известно о греческом периоде жизни прп. Кассиана. Более того, можно сказать с уверенностью, что даже на рубеже XVII–XVIII вв. в монастыре не было обширной библиотеки. Этот факт примечателен: обители, основанные монахами-интеллектуалами (прп. Сергием Радонежским, прп. Кириллом Белозерским и мн. др.), скоро превращались в серьезные центры книжности. А Кассианова пустынь книжным центром не была (что, разумеется, не означает отсутствия у насельников живой веры). См. подробно: *Матасова Т.А.* Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // *Источники по истории русского Средневековья и Нового времени* / Отв. ред. А.А. Горский. Вып. 1. М., 2020. В печати.

⁶ Так, представление о том, что мастер (архитектор, художник, музыкант) второй половины XV в. был при дворе ренессансных государей «самостоятельной самоценной личностью», был «вхож в окружение вельюснотной особы не как слуга, а как почти равноправный собеседник и советчик» (*Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 30), более чем устарело. Дело в том, что выделение представителей творческих специальностей как личностей особого рода из общей массы ремесленников в XV в. даже в Италии лишь начиналось. Более того, нередко имел место острый конфликт

серьезного издания. Тем не менее мне кажется, что для развития науки будет полезно, если я, не пересказывая то многое, что написано на эту тему в моей книге, еще раз уточню свою позицию по вопросу о степени вовлеченности Софьи в процесс приглашения мастеров. Целесообразным представляется встроить размышления на эту важную тему в более широкий контекст. Проблема участия (или *не-участия*) Софьи в приглашении «фряжских» мастеров связана как с вопросом о степени ее влияния при московском дворе в целом (и с трансформациями восприятия положения великой княгини на протяжении веков), так и с теми установками, которые ей прививались греко-итальянской культурой еще до свадьбы.

В современных исследованиях о Софье очень важно разделить три сюжета: 1) свидетельства о реальных действиях Софьи (весьма немногочисленные); 2) те изменения при московском дворе, которые связывали с ее присутствием современники; 3) то, что позднее было приписано ей исследователями, склонными переносить матрицы современного мышления и поведения на ту далекую эпоху.

Несомненно, фигура Софьи была глубоко символична и для современников, и для потомков, и для ученых. В их сознании она стала знаком очень существенных изменений в Москве времен Ивана III. Полагаю, не будет большим преувеличением мысль о том, что Софья была одним из важных *символов* той эпохи. Однако Софья едва ли была в числе главных инициаторов этих изменений.

Размышления о ее присутствии и поведении в Москве были важны для русских книжников и аристократов, особенно для тех, кто был недоволен политикой Ивана III. Недаром летописцы уничижительно называли ее «грекиней» и «римлянкой».

между мастером, уже вполне осознавшим себя творческой личностью, и заказчиком, видевшим в нем всего лишь высококвалифицированного ремесленника. Показательно, что в Италии выплаты мастерам во второй половине XV столетия по-прежнему рассчитывались в первую очередь исходя из цены материалов и затраченного времени, а не мастерства исполнения заказа. Этим объясняются сравнительно низкие цены на работу. См.: Головин В.П. Мир художника раннего итальянского Возрождения. М., 2003. С. 116–117. О болезненном процессе осознания заказчиками ценности творческого потенциала мастеров см.: Burke P. Culture and society in Renaissance Italy. 1420–1540. London, 1972. P. 79–80 и др.; The Renaissance in Europe: Courts, patrons and poets / Ed. D. Mateer. New-Haven, 2000. P. 125 и др.; Матасова Т.А. О статусе и правах итальянских архитекторов в России в последней четверти XV — первой половине XVI в. // Собирачество и меценатство в эпоху Возрождения. М., 2015. С. 57–70. Список примеров архаических построений М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой можно продолжить.

Ее присутствие было важно для греков, надеявшихся на то, что Иван III как «зять Фомы Палеолога» освободит от турок их родину. Но не сама Софья, а приехавшие с ней греки (в том числе «бояре»⁷ Софьи Палеолог Дмитрий и Юрий Траханиоты и их родственники) действительно участвовали в укреплении Русского государства: переводили на древнерусский язык античные трактаты⁸ и библейские тесты⁹, принимали участие в создании программных для российской монархии сочинений¹⁰ и делали многое другое во имя величия России.

Ее присутствие в Москве было важно и для итальянских мастеров, поскольку они видели в Софье воплощение живой связи знакомого им греко-итальянского мира с почти не известной им северо-восточной страной. Замечу здесь, что М.Г. Ракитину и Л.В. Соловьеву так ослепил «полемический задор» (выражение Д.С. Лихачева), что они почему-то исходили из того, что я не признаю этого, и сделали этот тезис одним из главных выводов своей работы¹¹, тогда как именно эту мысль я неоднократно высказывала (и подчеркивала!) как на страницах своей книги¹², так и в просветительских выступлениях. Мне близко мнение прот. Георгия Флоровского о том, что *сам брак* Ивана III с Софьей «привел... к сближению Московии с итальянской современностью»¹³. И все же эта идея — о большой роли самого факта присутствия в Москве Софьи — вовсе не тождественна тому, что она своей деятельностью или умением убеждать сыграла большую роль в привлечении мастеров.

Несмотря на «категорическое несогласие»¹⁴ М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой, я вынуждена вновь подчеркнуть, что о знакомстве Софьи с Аристотелем Фиораванти нет ни прямых, ни однозначных косвенных свидетельств. Размышления авторов статьи о том, что «странно было бы, что кардинал Виссарион не рассказывал своим воспитанникам

⁷ Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 4.

⁸ Матасова Т.А. Античный географический трактат в Московской Руси: Первая книга «Географии» Помпония Мелы в древнерусском переводе // Средневековая Русь. М., 2016. Т. 12. С. 297–308.

⁹ Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV–XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977. С. 44 и др.

¹⁰ Плеханова М.Б. Кипение света: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб., 2017. С. 391–442.

¹¹ Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 33, 39.

¹² Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 183, 209, 267–268.

¹³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 58. См.: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 202.

¹⁴ Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 29.

о знаменитом болонском архитекторе»¹⁵, лишены серьезных оснований. Бесспорно, Аристотель Фиораванти был выдающейся фигурой (это подчеркивали уже первые биографы мастера — Микеланджело Гуаланди и Лука Бельтрами¹⁶). Не менее очевидно, что Виссарион — и в пору болонского, и в пору римского сотрудничества с Фиораванти — высоко его ценил. Но Рим на рубеже 1460—1470-х гг. был буквально переполнен выдающимися мастерами! Круг общения Виссариона был в десятки (сотни?) раз шире круга общения детей Фомы Палеолога. Виссарион действительно курировал воспитание Софьи и ее братьев, но никак не являлся их «воспитателем» в прямом смысле: он не проводил с ними дни напролет, рассказывая обо всем на свете... Почему же именно о Фиораванти Виссарион должен был как-то особенно рассказывать наследникам несуществующего византийского престола?

Едва ли аргументом здесь может стать то, что именно Фиораванти позже появился в Москве. Это, скорее, сам мастер — человек весьма образованный и интересовавшийся жизнью вокруг, не утративший связи

¹⁵ Там же. С. 32.

¹⁶ *Gualandi M.* Aristotele Fioravanti meccanico e ingegnere del secolo XV. Memoria letta nella tornata del 26 giugno 1870 della r. deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Bologna, 1870 [Estratto dagli Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia patria. Anno IX]. *Beltrami L.* Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano (1458—1464). Milano, 1888; *Illud.* Vitadi Aristotele da Bologna. Bologna, 1912. С некоторыми важными документами и наблюдениями, которые М. Гуаланди и Л. Бельтрами приводят в своих исследованиях, русскоязычных читателей познакомил К.А. Хрептович-Бутенев (1848—1932) — представитель славного рода, сын дипломата Аполлинария Петровича Бутенева — российского посла в Ватикане при папах Григории XVI и Пии IX. Морской офицер К.А. Хрептович-Бутенев был видным интеллектуалом: он глубоко и вдумчиво изучал не только военное дело, но и русско-итальянские связи XV столетия; позже он сыграл роль в учреждении православного Свято-Сергиевского подворья в Париже. См.: *Хрептович-Бутенев К.А.* Аристотель Фиораванти, строитель Успенского собора // *Старая Москва*. Вып. 1—2. 1912—1914. М., 1993. С. 24—49. В 1930-е гг. материалы этой новаторской статьи бесосновательно использовал без ссылок известный советский искусствовед В. Снегирев, на книгу которого неоднократно ссылаются М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева. (См.: *Снегирев В.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935; *Ракитина М.Г., Соловьева Л.В.* Указ. соч. С. 31, сн. 5; с. 36, сн. 13.) В своей работе В. Снегирев не ограничился лишь присвоением результатов чужого интеллектуального труда, а дополнил их совершенно неприемлемыми сегодня (но пользовавшимися успехом в 1930-е гг.) оценками. «Здесь, в культурно убогой стране, — писал В. Снегирев, — он [Аристотель Фиораванти. — Т. М.] должен был начать с азов строительного дела, обучать туземцев (*sic!*) <..> на каждом шагу должен был считаться с требованиями властей светских и духовных <..> преодолевать местную косность в разных проявлениях» (*Снегирев В.* Указ. соч. С. 96). Прискорбно, что М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева столь неразборчиво подошли к историографии.

с родной Болоньей, через которую проезжала Софья по дороге в Москву¹⁷ — знал о том, что ныне деспина (о которой как о «дочери Фомы Палеолога»¹⁸ говорили по всей Италии) замужем за Иваном III. Это могло стать одним из аргументов в пользу его решения служить великому князю. Но активной, «убеждающей» роли Софьи в привлечении Фиораванти все же не заметно. Разумеется, она могла рассказывать мужу об итальянской церковной и гражданской архитектуре, но она не сообщала ничего принципиально нового: о передовом итальянском зодчестве — искусстве «невиданном и неслыханном» — хорошо знали на Руси с 1439 г., ведь «памятники Флорентийского цикла» полны впечатлений от чудес итальянской архитектуры и инженерии. Особенно ярко это проявилось в анонимном «Хождении на Флорентийский собор»¹⁹ и в «Исхождении» Авраамия Суздальского, описавшего «чюдные» (чудесные) мистерии «Благовещение» и «Вознесение»²⁰. Русские участники собора были поражены и грандиозным куполом Филиппо Брунеллески над базиликой Санта Мария дель Фьоре, под которым был подписан акт о соединении церквей и который И.Е. Данилова справедливо назвала «архитектурной сенсацией века»²¹.

О размышлениях М.Г. Ракитиной и Л.В. Соловьевой о том, что «только после женитьбы на Софье в Москву стали приезжать целые артели итальянских специалистов <...> Странно было бы считать, что Софья не

¹⁷ Яркие известия об этом сообщает болонский историк конца XVI в. Керубино Гирардаччи. См.: *Ghirardacci C. Della historia di Bologna. Parte 3 / A cura di A. Sorbelli. Bologna, 1912. P. 212.* Гирардаччи в числе хронистов, повествующих и о некоторых деяниях Фиораванти. См.: *Ibid. P. 160–161.*

¹⁸ Именно так называют Софью большинство итальянских источников. Это означало, что ее образ был будто символическим продолжением образа ее отца, которого Виссарион сделал подлинным «лицом» антитурецкой борьбы (см. очень подробно: *Ronchey S. L'enigma di Piero. Milano, 2010.*)

¹⁹ Флоренцию автор называет «славным и прекрасным градом» (*Казакова Н.А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор» // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1970. Т. 25. С. 67.*). Неизвестный автор обращает внимание на многие архитектурные сооружения, поразившие его величественными размерами и искусным оформлением: «И есть во граде том божница устроена велика, камень морьмор бел, да черн; и у божницы той устроен столп и колоколница, тако же белы камень морьмор, а хитрости ея недоуметь ум наш» (Там же. С. 68). Произвели впечатление на него и крепостная стена, окружавшая город, и многие другие чудеса главного города Возрождения.

²⁰ *Прокофьев Н.И. Русские хождения XII–XV вв. (Приложение 2,3) // Литература Древней Руси и XVIII век. М., 1970. С. 254–264.*

²¹ *Данилова И.Е. Итальянский город XV века: Реальность, миф, образ. М., 2000. С. 93.*

имела к их приглашению никакого отношения»²², следует сказать особо. Многие ученые оказались в плену логической ошибки, емко выраженной в латинской фразе: *post hoc ergo propter hoc* («после этого значит вследствие этого»)²³...

Данные источников и их интерпретации, существующие в мировой науке к настоящему времени, позволяют сделать вывод о том, что Софья едва ли была активно действующей фигурой. Попытки приписать ей деятельную инициативу, интенцию убеждения, которую она имела ресурс воплощать, говорят о попытке осовременить историю, приписать героям прошлого те качества, которые можно было бы ожидать в сходных обстоятельствах сегодня.. Однако живя в XV в., Софья просто не могла быть источником бурной преобразовательной деятельности, ведь влияние женщин (и прямое, и косвенное) на государственные и социальные процессы не только не приветствовалось, но и намеренно ограничивалось, причем не только в России, но и в Италии и других европейских странах тех времен. В данном контексте примечательны слова французского политика и философа XVI в. Жана Бодена, который в одной из своих «Шести книг о государстве» заметил: «Что же касается сословия или категории женщин, я не буду на них останавливаться; я лишь полагаю, что сим подобает держаться в стороне от любых магистратур, руководящих постов, судов, народных собраний и советов и уделять все свое внимание единственно женским и домашним делам»²⁴.

В этом отношении большой интерес представляют основанные на глубоком знании источников наблюдения Дж. Гибсон, показавшей, что образование женщин ренессансной Италии, принципы которого были разработаны мужчинами, было направлено вовсе не на возможность их участия в государственных делах или общественных инициативах, а на решение ровно противоположной задачи²⁵. Речь идет о том, что гуманисты середины — второй половины XV столетия (как раз того времени, когда Софья жила в Риме!) были убеждены, что женщинам нужно давать образование главным образом для того, чтобы воспитывать

²² Ракипина М.Г., Соловьева Л.В. С. 32–33.

²³ См. подробно: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 200–205.

²⁴ Цит. по: История женщин на Западе / Ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. Т. 3. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. С. 183.

²⁵ Gibson J. Educating for Silence: Renaissance Women and the Language Arts // Hypatia. 1989. Vol. IV. No 1. The History of Women in Philosophy. P. 9.

в них послушание и целомудрие, тишину и покорность²⁶. Образование должно было способствовать утверждению пассивной роли женщин в обществе, тогда как активную роль должны были играть мужчины²⁷. Именно поэтому считалось, что женщинам нужно преподавать грамматику и не преподавать риторику²⁸. Если знание грамматики помогло, по мнению гуманистов, воспитывать детей (и в первую очередь мальчиков, будущих государственных мужей, чтобы они с ранних лет приучались к правильно построенным фразам)²⁹ и вести приятную светскую беседу, то знание риторики считалось для женщин излишним. Дело в том, что риторика, призванная убеждать собеседников, воспринималась не как отвлеченная дисциплина или способ увлечь легким рассказом, а как искусство, служившее практическим задачам государственной и общественной деятельности³⁰, до которой женщин целенаправленно старались не допустить³¹. Этим было обусловлено и то, что женщины больше всего изучали Священное Писание и патристику³², а с сочинениями античных языческих авторов как с образцами красноречия женщины знакомились весьма редуцированно, причем нередко в переводах и пересказах³³.

Вероятнее всего, из сходных установок исходил и Виссарион, размышляя в 1465 г. о том, как лучше построить образование детей Фомы Палеолога — человека, которого кардинал сделал подлинным символом противостояния туркам. Сохранившиеся размышления Виссариона, увы, не дают нам подробной картины того, какие именно произведения и в рамках каких дисциплин изучали наследники деспота Морей. Кардинал говорит в основном о том, как им надлежит себя вести в Риме, лишь упоминая, что при «принцах» должен быть не только врач, но и учителя греческого и латыни, а также переводчик и два католи-

²⁶ Ibid. P. 18.

²⁷ Ibid. P. 10.

²⁸ Ibid. P. 11, 12.

²⁹ Ibid. P. 15.

³⁰ Ibid. P. 12, 17.

³¹ Образование женщин даже не ставило целью их возможное участие в общественных делах, имело место убеждение, что женщины вообще не должны заниматься политикой. Ibid. P. 17, 19.

³² Ibid. P. 11.

³³ Конечно, известны и исключения. Так, Изабелла д'Эсте, Вероника Гамбара, Виктория Колонна, Чечилия Галлерани и некоторые другие женщины той поры писали стихи и были весьма утонченными дамами. Но они потому так ярко смотрятся, что были совершенно нетипичны для той эпохи! Где же стихи Софьи Палеолог?..

ческих священника³⁴. Но едва ли можно думать, что их образование мыслилось одинаковым: довольно сложно представить, чтобы юношей 10 и 12 лет (Андрей родился в 1453 г., а Мануил — в 1455 г.) и девушку 14–17 лет (если принять временем рождения Софьи рубеж 1440–1450-х гг.³⁵) учили одному и тому же, пусть даже это родные братья и сестра³⁶. Нельзя исключать и того, что под «детьми Фомы Палеолога» Виссарион понимал поначалу в первую очередь Андрея и Мануила («принцев», «царевичей»³⁷), а не Софью. Именно на мальчиков — вполне традиционно³⁸! — Виссарион изначально рассчитывал как на продолжателей рода Фомы Палеолога. Андрею в конечном счете перешел титул «константинопольского императора», и в этой символической роли он позже принимал участие в папских церемониях³⁹. На Софью же как на возможное звено в деле «спасения Византии» Виссарион обратил внимание, видимо, не сразу, а ближе к концу 1460-х гг., когда стало ясно, что на Андрея (и тем более на Мануила, в итоге принявшего ислам) в деле борьбы отвоевания Греции у турок рассчитывать не приходится, а иные инициативы кардинала в этом направлении также не имели большого успеха. Именно поэтому неверно полагать, что Виссарион изначально и целенаправленно воспитывал Софью как будущую влиятельную государственную деятельницу. Разумеется, кардинал, далеко не сразу приняв решение использовать в своем проекте и Софью, надеялся, что Софья станет *символом* борьбы за освобождение греческого народа и государства от османского ига, и в этом он не обманулся⁴⁰.

³⁴ Шичалин Ю.А. Указ. соч. С. 73–74.

³⁵ См. об этом: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 13.

³⁶ Несмотря на то, что сам Фома Палеолог был человеком весьма образованным, общался с интеллектуалами Мистры, едва ли можно думать, что он — в условиях междоусобиц на Пелопоннесе и позже в изгнании — сумел организовать полноценное образование своих детей. Не случайно Виссарион в Риме ужасался их манерам и стремился научить «принцев» подобающе вести себя в обществе...

³⁷ Шичалин Ю.А. Указ. соч. С. 73.

³⁸ Примечательно в этом отношении, что придворный Фомы Палеолога Георгий Сфрандзи в своей «Хронике» называет точные даты рождения Андрея и Мануила (см.: Сфрандзи Г. Хроника / Предисл., пер. и прим. Е.Д. Джагацпаян // Кавказ и Византия. Ереван, 1987. Вып. 5. С. 222, 226), но не называет даже год рождения Софьи!

³⁹ См. об этом: *Vespignani G. Attorno al progetto di Crociata di Alessandro VI (1492–1503): Andrea Paleologo nell'affresco dell'appartamento Borgia del Palazzo Vaticano // Erytheia. 2007. Vol. 28. P. 99–112.*

⁴⁰ Здесь уместно вспомнить справедливое мнение М.Б. Плюхановой о том, что «все символические значения перемещения Софьи и ее брака, которыми, вероятно, надеялся снабдить его Виссарион, остались неясно выраженными и, соответственно, плохо услышанными [в Москве]». См.: *Плюханова М.Б. Кипение света. С. 484.*

Но он вовсе не ожидал, что Софья станет главным реальным проповедником этого: о государственных делах женщинам подобало молчать, а не говорить. Говорить они должны были или с другими женщинами, детьми и слугами, или вести непринужденную беседу, услаждая собеседника⁴¹.

Таким образом, по-видимому, Софья получила вполне хорошее образование⁴², но направлено оно было вовсе не на пробуждение в ней активной общественной или государственной позиции, а на противоположные вещи. Ее вероятное знакомство с грамматикой, Писанием и творениями Отцов Церкви должно было сформировать ее как приятную собеседницу, послушную жену и заботливую мать.

Все эти роли Софья успешно играла в Москве. Именно умение вести ласковую беседу она демонстрировала, когда принимала иноземных послов: Амброджо Контарини в 1476 г. и Юрия Делятора (Георга фон Турна)⁴³ в 1490 г. По удивительно точному наблюдению Контарини — деспина обратилась к нему с «добрыми и учтивыми речами, какие только могли быть сказаны»⁴⁴: ровно так, как ее учили в Риме! Со стратегически же важными государственными задачами справлялись дипломаты Ивана III (в числе которых были и греки из окружения Софьи). Свидетельства о том, что ей преподнесли «птицу папагал да сукно серо»⁴⁵, плохо соотносятся с представлениями, что она была важным звеном в решении важных государственных задач (в том числе о найме мастеров). Отметим, что сохранились известия о том, что говорила

⁴¹ Gibson J. Op. cit. P. 18–19.

⁴² Преувеличивать его значение, впрочем, не стоит. См. подробно: Матасова Т.А. Софья Палеолог. С. 135–136, 267.

⁴³ Об этом итальянце на имперской службе см.: Corti M. «Delator» o Von Turn? // Slavia. 2018. № 2. P. 73–86.

⁴⁴ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 230. Именно так и должны были — по замыслу гуманистов — идеологов женского образования — восприниматься «любезные речи» женщин-аристократок при дворах в Италии. Своими речами женщины должны были *услаждать, а не убеждать*. См.: Gibson J. Op. cit. P. 19–20.

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. 1. Стб. 30. Юрий Делятор, прибывший в Москву от «короля римского» Максимилиана в 1490 г., говорил в том числе о возможности брака пославшего его правителя с одной из дочерей Ивана III и Софьи. Этот вопрос вполне органично входил в круг семейных забот великой княгини. Попугай же был знаком почтения Максимилиана возможной теще. См.: Матасова Т.А. Попугай в Москве в 1490 году // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2019. С. 126–130.

лишь с теми послами, которые говорили по-итальянски, то есть были ей близки в культурном смысле.

Если бы Софья постоянно принимала участие в политике как реально действующая фигура, она бы принимала и других послов, но известий такого рода нет. Если бы ее деятельная, а не символическая роль в придворном церемониале была существенна, если бы она регулярно излагала свои суждения и к ее мнению прислушивались, ее имя куда чаще бы мелькало при описании официальных мероприятий. Если бы Софья была действительно причастна к приглашению Фиораванти, то ее имя, вероятно, тоже было бы упомянуто в знаменитом пространном известии из Московского свода конца XV в. о «свершении» Успенского собора, но там фигурируют лишь имена Ивана III, митрополита Геронтия и Аристотеля Фиораванти⁴⁶. Если бы современники связывали приглашение мастера с Софьей, то придворный летописец (кажется, самый лояльный к Софье из всех книжников того времени!) мог бы отметить и роль княгини.

Таким образом, Софья действительно *иногда* (а вовсе не «активно»⁴⁷, как утверждают М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева) принимала участие в придворных церемониях. Ее имя порой действительно присутствовало в ритуальных формулировках в некоторых (далеко не во всех!) дипломатических документах. Речь идет в первую очередь о сношениях с Литвой в середине — второй половине 1490-х гг. и в первые годы XVI в. «Протокольное» упоминание имени Софьи после имени Ивана III там было нужно символически, для придания большей весомости этим текстам. К тому же она лишь формально передавала «от себя» поклоны и дары⁴⁸.

Сохранилось три письма от имени Софьи к дочери Елене Ивановне, ставшей женой великого князя литовского Александра⁴⁹. Но все эти источники представляют собой документы официального делопроизводства, продукты великокняжеской канцелярии, и не являются свидетельствами реального участия Софьи в литовском направлении политики Ивана III⁵⁰. Особняком стоит, впрочем, ее письмо от 15 октября

⁴⁶ Полное собрание русских летописей. М., 2001. Т. 25. С. 232–324.

⁴⁷ Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 35.

⁴⁸ Сборник Императорского Российского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С.181, 201, 205, 220, 235, 236, 237, 239–242, 244, 250, 253, 274, 276, 279–280, 292, 294.

⁴⁹ Там же. Стб. 241, 276, 279–280.

⁵⁰ Думается, что ее имя включено в эти документы, поскольку речь шла об отношениях с Еленой Ивановной, то есть с дочерью Ивана и Софьи.

1497 г.: оно переполнено личными подробностями, его текст переносит в мир женских разговоров матери и дочери: «Да сказывали твои робята Семичовы, что, дал Бог, ты беременна; и аз к тебе приказывала с теми же с твоими робята, чтобы ты еси ко мне о том отписала... и ты бы нынеча ко мне о том отписала: беременна ли еси, и какъ свое время чаешь, о которых днеш?»⁵¹ Едва ли такой вопрос может свидетельствовать о большой роли Софьи в придворной и тем более политической жизни.

Словом, значение деятельности Софьи при московском дворе не стоит преувеличивать. По справедливому мнению В.Д. Назарова, Софья большую часть жизни в Москве была беременна, и «подобный ритм семейной жизни серьезно ограничивал возможности активного участия Софьи в политической или даже в придворной жизни»⁵².

Большое символическое значение имели и реликвии, привезенные Софьей в Москву⁵³. М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева справедливо ссылаются на исследования Д.А. Петрова, разумно предположившего, что изображение двуглавого орла на Боровицкой башне 1491 г. могло быть вдохновлено изображениями двуглавых орлов на некоторых вещах из приданого Софьи. Но можно ли утверждать, что она сама их подбирала для поездки в Москву? Скорее всего, набор реликвий был продуман Виссарионом. Хотя, конечно, Софья наверняка рассказывала об этих реликвиях то, чего в Москве могли и не знать.

Все это говорит о том, что роль Софьи при московском дворе долгое время (по крайней мере, до конца 1490-х гг., когда она действительно была втянута в острое придворное противостояние) была не слишком велика. Она присутствовала как важный символ (причем для разных придворных групп — свой), но не занимала активной позиции, не убеждала. Она больше молчала, чем говорила⁵⁴. Именно поэтому ее голос

⁵¹ Там же. С. 241.

⁵² Назаров В.Д. Палеолог Софья // Большая Российская энциклопедия. М., 2014. Т. 25. С. 126.

⁵³ Византийские древности: Произведения искусства IV–XV вв. в собрании Музеев Московского Кремля. М., 2013. С. 27–29, 207–209, 294–297, 185–189, 340–346. Среди реликвий могла быть частица Креста Господня (Плюханова М.Б. Образ символического перемещения церкви в Италии и России в XV в. // Царский храм: Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. М., 2008. С. 378–380, 385.

⁵⁴ Нельзя не вспомнить здесь в высшей степени справедливые слова М.Б. Плюхановой о том, что Софья «кажется в русской истории персонажем *безмолвным* [курсив мой. — Т. М.], не освоившимся...». См.: Плюханова М.Б. Образ символического перемещения церкви... С. 378.

не был одним из главных в деле привлечения итальянских мастеров, ведь Иван III и сам знал, где их найти⁵⁵. Другое дело, что уже в ходе подготовки брака Ивана III и Софьи связи с Италией действительно заметно участились. Но и здесь активная роль Софьи не заметна: ведь это не Софья сама устраивала свою судьбу. В отличие от современных невест, полностью поглощенных организацией своего замужества, Софья была лишь «объектом» в политических построениях Виссариона и Ивана III.

Незначительное до рубежа XV—XVI вв. реальное влияние Софьи при московском дворе не означало, что русские придворные о Софье не говорили, не обсуждали ее присутствие рядом с великим князем, круг ее приближенных и их культуру. Напротив, с ней многое связывали, ведь для сознания людей того времени было характерно персонифицировать явления действительности. Софья — представительница *другой* культуры, *другого* мира, после приезда которой «наша земля замешалась и пришли нестроения великие»⁵⁶ — как нельзя лучше подходила на эту символическую роль. Именно поэтому С. Герберштейн, опираясь на московских информаторов, отметил, что «Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое»⁵⁷.

На современном этапе развития исторической науки целесообразно разграничивать символизм и реальные интенции и действия (или бездействие) героев прошлого. Стоит осознавать разницу между символическим содержанием их образов, которым их наделяли современники и потомки, и их личной ролью в истории. Казус Софьи Палеолог — отличный пример демонстрации значимости подобного разделения.

⁵⁵ В.И. Савва еще до революции писал об этом: «Нельзя не заметить, что этот государь (Иван III. — Т. М.) был выдающимся политиком, что его крупные политические дела не представляются следствием только влияния на него Софьи; поэтому следует осторожно относиться к показаниям некоторых современников и близких к ним по времени свидетельствам, широко, но не всегда определенно рисуя сферу влияния Софьи на ее супруга. В противном случае силуэт Софьи затемнит облик наиболее выдающегося политика из племени Калиты». См.: Савва В. Московские цари и византийские василевсы: к вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 57. Жалко, что М.Г. Ракитина и Л.В. Соловьева игнорируют мнение этого видного исследователя, утверждая, что «историки XIX в. начиная с Карамзина пытались приписать византийской принцессе чуть ли не ключевую роль в резком смене курса Ивана III...» и лишь «в последнее время наблюдается противоположная тенденция». См.: Ракитина М.Г., Соловьева Л.В. Указ. соч. С. 28.

⁵⁶ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 142.

⁵⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 71.

Мне кажется, что размышления об этих тонких материях полезны не только в пространстве сугубо научного диалога, но и могут послужить делу модернизации просветительских мероприятий, которые призваны не воспроизводить во многом устаревшие, но «простые» и «удобные» схемы, а знакомить широкую публику со Средневековьем во всем его многообразии.

REFERENCES

1. *Agoshton M.* Velikoknyazheskaya pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniya russkoj gosudarstvennoj simboliki. Moscow, 2005.
2. *Akopyan O.* Tatiana Matasova, Sophia Palaiologina (Sof'yaPaleolog) (Moscow: Molodaya gvardiya, 2017) [Book review] // *Renaissance studies.* 2019. Vol. 33. No 2. P. 326–327.
3. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoj ekspedicii imperatorskoj Akademii nauk. Sankt-Peterburg, 1836. Vol. 1. P. 142.
4. *Barbaro i Kontarini o Rossii.* K istorii italo-russkih svyazej v XV v. Leningrad, 1971.
5. *Beltrami L.* Aristotele da Bologna al servizio del duca di Milano (1458–1464). Milano, 1888.
6. *Beltrami L.* Vita di Aristotele da Bologna. Bologna, 1912.
7. *Burke P.* Culture and society in Renaissance Italy. 1420–1540. London, 1972.
8. *Corti M.* «Delator» o Von Turn? // *Slavia.* 2018. № 2. P. 73–86.
9. *Danilova I.E.* Ital'yanskij gorod XV veka: Real'nost', mif, obraz. Moscow, 2000.
10. *Drevnyaya rossijskaya vivliofika.* Ed. 2. Moscow, 1790. Part 13.
11. *Florovskij G.V.* Puti russkogo bogosloviya. Parizh, 1937.
12. *Fonkich B.L.* Grechesko-russkie kul'turnye svyazi v XV–XVII vv. Grecheskie rukopisi v Rossii. Moscow, 1977.
13. *Garzaniti M.* Da Roma a Mosca. Sofia Paleologa e i Greci in Russia fra la fine medioevo e l'inizio dell'epoca moderna. A proposito della recente biografia di T. Matasova (Mosca 2016) // *Studi Slavistici.* 2018. Vol. XV. P. 219–226.
14. *Gerbershtejn S.* Zapiski o Moskovii. Moscow, 2008. Vol. 1.
15. *Ghirardacci C.* Della historia di Bologna. Parte 3 / A cura di A. Sorbelli. Bologna, 1912.
16. *Gibson J.* Educating for Silence: Renaissance Women and the Language Arts // *Hypatia.* 1989. Vol. IV. № 1. The History of Women in Philosophy. P. 9–27.
17. *Golovin V.P.* Mir hudozhnika rannego ital'yanskogo Vozrozhdeniya. Moscow, 2003.

18. *Gualandi M.* Aristotele Fioravanti meccanico e ingegnere del secolo XV. Memoria letta nella tornata del 26 giugno 1870 della deputazione di storia patria per le provincie di Romagna. Bologna, 1870 [Estratto dagli Atti e Memorie della R. Deputazione di Storia patria. Anno IX].
19. *Hreptovich-Butenev K.A.* Aristotel' Fioravanti, stroitel' Uspenskogosobora // *Staraya Moskva*. Vyp. 1–2. 1912–1914. Moscow, 1993. S. 24–49.
20. *Istoriya zhenshchin na Zapade / Red. Zh. Dyubii M. Perro.* Sankt-Peterburg, 2008. T. 3. Paradoksy epohi Vozrozhdeniya i Prosveshcheniya.
21. *Kazakova N.A.* Pervonachal'naya redakciya «Hozhdeniya na Florentijskij sobor» // *Trudy otdela drevnerusskoj literatury*. Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 60–72.
22. *Matasova T.A.* Antichnyj geograficheskij traktat v Moskovskoj Rusi: Pervaya kniga «Geografii» Pomponiya Mely v drevnerusskom perevode // *Srednevekovaya Rus'*. Moscow, 2016. Vol. 12. P. 283–348.
23. *Matasova T.A.* Monastyr' i mir: Kassianova Uchemskaya pustyn' vo vremena Petra Velikogo (issledovanie materialov rukopisi Tihonr. № 234) // *Istochniki po istorii russkogo Srednevekov'ya i Novogovremeni / Otv. red. A.A. Gorskiy*. Vyp. 1. Moscow, 2020. *In print*.
24. *Matasova T.A.* O statuse i pravah ital'yanskih arhitektorov v Rossii v poslednej chetverti XV — pervoj polovine XVI v. // *Sobiratel'stvo i mecenatstvo v epohu Vozrozhdeniya*. Moscow, 2015. P. 57–70.
25. *Matasova T.A.* Popugaj v Moskve v 1490 godu // *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Vyp. 6: Shestye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moscow, 2019. P. 126–130.
26. *Matasova T.A.* Prp. Kassian Uchemskij — grek iz okruzheniya Sof'i Paleolog i chudotvorec «ot Italijskiya strany»: K istorii cerkovnogo pochitanii svyatogo v XVI–XIX vv. // *Istoriya i kul'tura Rostovskoj zemli. Materialy XXIX nauchnoj konferencii*. Rostov, 2020. P. 43–52.
27. *Matasova T.A.* Sof'ya Paleolog. Moscow, 2016 (Ed. 2 — Moscow, 2017).
28. *Nazarov V.D.* Paleolog Sof'ya // *Bo'lshaya Rossijskaya enciklopediya*. M., 2014. Vol. 25. P. 126.
29. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi*. Sankt-Peterburg, 1851. Vol. 1.
30. *Plyuhanova M.B.* Kipenie sveta: Russkie Odigitrii v liturgicheskoy poeziii v istorii. Sankt-Peterburg, 2017.
31. *Plyuhanova M.B.* Obraz simvolicheskogo peremeshcheniya cerkvi v Italii i Rossii v XV v. // *Carskij hram: Blagoveshchenskij sobor Moskovskogo Kremlya v istorii russkoj kul'tury*. Moscow, 2008. P. 377–394.

32. Polnoe sobranie russkih letopisej. Moscow, 2001. Vol. 25.
33. *Prokof'ev N.I.* Russkie hozhdeniya XII–XV vv. (Prilozhenie 2,3) // Literatura Drevnej Rusii XVIII vek. Moscow, 1970. P. 3–264.
34. *Rakitina M.G., Solov'eva L.V.* K voprosu ob uchastii Sof'i Paleolog v priglasenii ital'yanskih arhitektorov dlya perestrojki Moskovskogo Kremlya // Istoricheskij vestnik. Vol. 28 (175). 2019. Avgust. P. 28–39.
35. *Ronchey S.* L'enigma di Piero. Milano, 2010.
36. *Savva V.* Moskovskie cari I vizantijskie vasilevsy: k voprosu o vliyanii Vizantii na obrazovanie idei carskoj vlasti moskovskih gosudarej. Har'kov, 1901.
37. Sbornik Imperatorskogo Rossijskogo istoricheskogo obshchestva. Sankt-Peterburg, 1882. Vol. 35.
38. *Sfrandzi G.* Hronika / Predisl., per. i prim. E.D. Dzhagacpanyan // Kavkaz I Vizantiya. Erevan, 1987. Vyp. 5. P. 187–240.
39. *Shichalin Yu.A.* Vissarion. Pis'ma VI–VIII (PG CLXI Migne) // Renessans: Obrazi mesto Vozrozhdeniya v istorii kul'tury. Moscow, 1987. P. 69–79.
40. *Snegirev V.* Aristotel' Fioravanti I perestrojka Moskovskogo Kremlya. Moscow, 1935.
41. *Solov'ev A.V.* Geral'dicheskie emblem Vizantii I slavyane // Signum. 2009. № 4. P. 109–211.
42. *Sosnovceva E.G.* Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovanie I teksty. Moscow, 2020.
43. The Renaissance in Europe: Courts, patrons and poets / Ed. D. Mateer. New-Haven, 2000.
44. *Vespignani G.* Attorno al progetto di Crociata di Alessandro VI (1492–1503): Andrea Paleologo nell'affresco dell'appartamento Borgia del Palazzo Vaticano // Erytheia. 2007. Vol. 28. P. 99–112.
45. Vizantijskie drevnosti: Proizvedeniya iskusstva IV–XV vv. v sobranii Muzeev Moskovskogo Kremlya. Moscow, 2013.

Ключевые слова:

Софья Палеолог, итальянские мастера, кардинал Виссарион, Фома Палеолог, образование женщин, Ренессанс, московский двор

Tatiana A. Matasova

INFLUENCE OR SILENCE?

Once more on the role of Sophia Palaiologina in the court life of Ivan III and the question of her participation in the invitation of Italian masters to Moscow

The article examines the issue of Sofia Palaiologina in the invitation of Italian masters to Russian service in the last quarter of the 15th century. This issue is examined through a broader problematic context – the limits to which a Grand Princess could take part in Muscovite court life. Paying due attention to the stereotypes, mistaken and/or unproven conclusions dwelling in the academic discourse, the author seeks to separate the image of Sofia Palaiologina as a symbolic figure with the actual surviving evidence of her activity. Alongside the goal of establishing the actual evidence of Sofia's participation in Muscovite court life, the author also seeks to examine the issue of Sofia's education in Rome: during the years spent in Rome, could Sofia have studied rhetoric — an art vital for an active political position? On the basis of the existing corpus of research, the author comes to the conclusion that Sofia Paleologina did not occupy an active position, even though she remained an important symbol for Muscovite court, a symbol that was perceived quite differently by various court groups (proponents and opponents of Ivan III's political course, Greek immigrants, Italian masters, etc.).

The author comes to the conclusion that the role of Sofia Palaiologina should not be exaggerated: it seems that Sofia did wield sufficient influence at court, until the dynastic crisis that erupted on the brink of 15th–16th centuries.

Key Words: Sophia Palaiologina, Italian Renaissance, Roman Catholic Cardinal Bishop Bessarion, Thomas Palaiologos, Women's Education, Muscovite court.

Tatiana A. Matasova — Ph.D. (History), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Russian History to the beginning of the Nineteenth Century of the Faculty of History of the Moscow State University (Moscow, Russia), Researcher of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).

 Матасова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
научный сотрудник СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия)